

— Цинцин, ты не признаёшься?

Голос Мо Лина звучал с нотками гнева, но Фэн Цзюцин был уверен: в его словах не было ни капли лжи.

— Если Цинцин этого не делал, то и признавать нечего.

Мо Лин со злостью ущипнул Фэн Цзюцина за щеку:

— Хорошо. Я заставляю тебя признаться добровольно. У Минцина неплохие навыки боевых искусств, как же он оказался продан в Башню Ситай какими-то уличными отбросами?

Фэн Цзюцин мысленно выругался, потирая саднящую щеку, и обиженно пробормотал:

— Они использовали дурман, я потерял бдительность и попался.

— Ложь! При первой же встрече ты узнал меня, а потом намеренно соблазнял. Разве не так?

Лицо Фэн Цзюцина вспыхнуло. Конечно, он соблазнял Мо Лина нарочно, но разве мог он в этом сознаться?

— Неужели Ваше Величество не уверены в собственном обаянии? На том дворцовом банкете, едва увидев Вас, я был покорен. Разве можно назвать соблазнением искреннее чувство к тому, кто заставил сердце биться чаще? Верите Вы мне или нет, но я никогда Вас не обманывал.

Мо Лин хмыкнул, перевернул Фэн Цзюцина и прикусил его за уголок губ.

— Твой язык, Цинцин, привык лгать.

Фэн Цзюцин болезненно ахнул, и непрошенные слезы капнули на руку Мо Лина. Он проговорил сквозь всхлипы:

— В тот год Вы были светлой луной на девятом небе, а я — лишь сточной канавой, взирающей на неё снизу вверх. Я не смел осквернить Вас. Но когда мы снова встретились в Башне Ситай, я понял: Вы — то бедствие, от которого мне не уйти.

Я знал, что недостоем Вас, поэтому и отказался от выкупа. Такой человек, как Вы — чистый, словно ветер и луна, — если бы я мог заслужить хоть каплю Вашего сострадания, это было бы величайшим счастьем. Я говорю чистую правду, просто Вы не хотите мне верить.

Мо Лин почувствовал, как слезы на его руке жгут кожу, проникая прямо в сердце.

Что с того, что этот человек подослан Великим наставником? Что с того, что он, возможно, лжет? Он уже попал в сети чувств, которые тот расставил. Теперь, просто видя его слезы, он чувствовал, как сердце сжимается от боли.

Конечно, он хотел бы, чтобы слова Минцина были правдой, но прекрасно понимал, насколько это маловероятно.

— Последний вопрос. Чисты ли твои отношения с Великим наставником? Я не хочу, чтобы ты лгал, поэтому подумай хорошенько, прежде чем отвечать.

Фэн Цзюцин чуть не закатил глаза. О чем тут думать? Неужели он мог заняться этим сам с собой? Проклятая безразличность Мо Лина и его богатое воображение!

— Между мной и Великим наставником всё кристально чисто. В своё время он лишь хотел меня защитить. Наставник сказал, что я принес пользу государству и не должен становиться игрушкой в руках власть имущих, поэтому и взял меня в свой дом под опеку.

Взгляд Мо Лина потемнел. Тот мужчина действительно никогда не интересовался красотой. Многие сановники пытались дарить ему людей, но, будь то мужчина или женщина, он возвращал их обратно в целости и сохранности, а на следующий день заставлял цензоров подавать на дарителей жалобы. Со временем все узнали, что Великий наставник равнодушен к плотским утехам, пока в его доме не появился Юаньвэй.

Но и после этого все дары постигала та же участь. Многие решили, что лишь с такой внешностью, как у Юаньвэя, можно было привлечь внимание наставника.

Но теперь Юаньвэй говорит, что между ними ничего не было. Неужели наставник и впрямь не интересуется подобными вещами, или же у него скрытый недуг?

Хорошо, что Фэн Цзюцин не знал о мыслях Мо Лина. Если бы узнал, то на месте доказал бы ему, есть у него недуг или нет! В конце концов, Мо Лин был тем, о ком он мечтал долгие годы, и если бы такой человек оказался рядом, разве мог он удержаться?

Мо Лин нахмурился. В словах Минцина была доля правды, но проверить их было почти невозможно. Он не мог ворваться в поместье наставника и требовать ответа. Он не был настолько глуп, но эта мысль всё равно стояла у него костью в горле.

Фэн Цзюцин горько усмехнулся:

— Ваше Величество мне не верит?

Мо Лин промолчал. Он не знал, что сказать. Сказать, что верит — значит переступить через себя. Сказать, что не верит — значит бездоказательно опорочить Минцина.

Слезы Фэн Цзюцина снова упали на руку Мо Лина:

— Я понял. Ваше Величество, хотите поспорить?

Мо Лин смахнул слезы с лица Фэн Цзюцина и спросил:

— О чем?

Фэн Цзюцин позволил слезам свободно катиться из глаз и тихо произнес:

— Поспорим, что Великий наставник не имеет отношения к Башне Ситай, и что я чист. Я сам докажу Вам это. Если я выиграю, Вы будете должны извинения мне и Великому наставнику. Если проиграю — делайте со мной что хотите: казните или четвертуйте, я не пророню ни слова.

Помолчав долгое время, Мо Лин ответил:

— Хорошо. Если вы с наставником невинны, я восстановлю вашу честь. Но если я найду доказательства вашей вины, ты ответишь по всей строгости.

Мо Лин знал, что человек в его объятиях — демон, способный похищать души, но он уже вошел в паутину этого демона и выбраться не мог. В его глазах мелькнуло безумие: я не убью тебя, я запру тебя, и всю жизнь ты будешь видеть лишь меня одного!

Мо Лин отпустил Фэн Цзюцина:

— Цинцин, я согласен.

Сказав это, он метнулся к окну и исчез в ночи.

Фэн Цзюцин вытер слезы. На душе было тяжело.

Что за напасть? Сидишь себе дома, а беда сама на голову падает.

— Ха-ха-ха, А-Цзю, я сейчас умру от смеха! Мо Лин решил, что у тебя связь с Великим наставником! Ха-ха-ха!

Системка выпрыгнула из ниоткуда, запрыгнула на Фэн Цзюцина и покатилась от хохота.

— А-Цзю, как тебе удалось завести связь с самим собой? Помощь нужна? Ха-ха, твой ученик

такой забавный.

Фэн Цзюцин прикрыл глаза рукой:

— Системка, принеси воды. От лука глаза щиплет, больно.

— Опять луком ученика обманываешь? А-Цзю, ну ты и актер.

Несмотря на подколы, Системка всё же принесла воды:

— Чистой нет, только чай.

Глаза Фэн Цзюцина горели огнем, выбирать не приходилось. Он слегка приложил влагу к векам и, почувствовав облегчение, открыл их.

— Системка, я правда хочу узнать, что у Янь-эра в голове? Почему он решил, что я стою за Башней Ситай? О чем он вообще думает? Я похож на такого человека? — Фэн Цзюцин нахмурился.

— Если честно — да. Ты бы вспомнил, что творил, когда был при власти, — хвост Системки дернулся.

— Что я такого творил? — Фэн Цзюцин наградил систему уничтожающим взглядом.

Инстинкт самосохранения заставил Системку отпрыгнуть подальше.

— Ты забивал цензоров палками до смерти, увольнял министров, вертел законом как хотел. Кто во всем дворе посмел бы сказать тебе хоть слово против?

Фэн Цзюцин фыркнул:

— Забил цензора? Тот чиновник был коррумпирован, плел интриги и, прикрываясь своим постом, без конца клеветал на честных людей. До того как я пришел к власти, многие достойные мужи погибли или были сосланы из-за него. Я всего лишь наказал его, не тронув семью — это еще была милость. К тому же, после его смерти я предал все его злодеяния огласке.

— Но они всё равно считали, что ты просто нашел повод, чтобы расправиться с неудобным.

Фэн Цзюцин выпрямился:

— Я сделал то, что должен был. Верить или нет — их дело, я не могу их заставить. Разумные люди поймут, а остальным хоть в лицо доказательствами кидай — не поверят. Не потому, что доказательств мало, а потому, что мои интересы противоречат их выгоде. К тому же, будучи влиятельным сановником, я нажил себе бесчисленное множество врагов, так что доброй славы мне всё равно было не видать.

Но мне и плевать. Мне нравится смотреть на их лица: они меня ненавидят, но ничего не могут с этим поделать.

<http://bllate.org/book/21502/2203466>